Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+94
ББК 83+83.3(2=411.2)+63.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127
https://elibrary.ru/KPZIOP

© 2023. Ольга Деханова
Москва, Россия

Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года

© 2023. Olga A. Dekhanova
Moscow, Russia

Drinking Establishments in the Novel *Crime and Punishment*. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук, г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-2216-2548
E-mail: Dh369@yandex.ru

Аннотация: К середине XIX века тема пьянства как причины самых гнусных пороков и преступлений стала одной из самых обсуждаемых. Многочисленные злоупотребления владельцев питейных заведений привели к стихийному проявлению народной трезвости в конце 50-х годов XIX века. Это наносило существенный ущерб государственному бюджету. Результатом этого противостояния стало введение новой государственной политики в отношении питейных продаж.

Терминологическая замена кабака на питейный дом постепенно вытеснила это название из повседневного языка, но сохранила в общественном сознании его исторически сложившуюся негативную репутацию. К середине XIX века употребление лексемы «кабак» в литературном языке носило уже отчетливый метафорический смысл. Кабак как главный виновник пьянства и разврата стал воплощением социального зла, а проблема пьянства осознавалась как религиозная оппозиция «праведность — грех».

Действие романа «Преступление и наказание» приходится на период первых последствий новой питейной реформы. Одной из особенностей романа является использование Достоевским лексемы «распивочная» как бытового разговорного названия питейного дома, несущего выраженную эмоциональную реакцию социального отторжения.

Распивочная составляет сквозной лейтмотив повествования. Она — элемент общей негативной атмосферы города наравне с духотой, запахом пыли, известки и помоев. Она связана с описаниями психологического состояния Раскольникова. Упоминание распивочной сопутствует всем значимым для героев событиям и встречам. Но самое важное — это ее связь с религиозно-нравственными проблемами выбора, с неизбежностью грехопадения или возможностью воскресения.

Этот определяющий дальнейшее повествование эмоционально-смысловой образ выстраивается Достоевским уже в самом начале романа, в распивочной, где встречаются Мармеладов и Раскольников.

Ключевые слова: Достоевский, история повседневности России, потребление алкоголя.

Для цитирования: *Деханова О.А.* Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 106–127. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127

Information about the author: Olga A. Dekhanova, PhD in Pharmaceutical Sciences, Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-2216-2548

E-mail: Dh369@yandex.ru

Abstract: By the middle of the 19th century, the theme of drunkenness as the cause of the most heinous vices and crimes had become one of the most discussed. Numerous abuses by the owners of drinking establishments led to a spontaneous manifestation of people’s sobriety in the late 50s of the 19th century. This caused significant damage to the state budget. The result of this confrontation was the introduction of a new government policy on drink sales.

The terminological replacement of “kabak” with drinking house gradually replaced this name from everyday language but retained its historically negative reputation in the public mind. By the middle of the 19th century, the use of the lexeme “kabak” in the literary language already had a distinct metaphorical meaning. The “kabak”, as the main culprit of drunkenness and depravity, became the embodiment of social evil, and the problem of drunkenness was realized as a religious opposition “righteousness — sin.”

The action of the novel *Crime and Punishment* takes place in the period of the first consequences of the new drinking reform. One of the features of the novel is Dostoevsky’s use of the lexeme “raspivochnaia” as an everyday colloquial name for a drinking house, carrying a pronounced emotional reaction of social rejection.

“Raspivochnaia” is a thorough leitmotif of the story. It is an element of the general negative atmosphere of the city along with stuffiness, the smell of dust, lime, and slop. It is associated with descriptions of the psychological state of Raskolnikov. The mention of it accompanies all significant events and meetings for the characters. But the most important thing is its connection with the religious and moral problems of choice, with the inevitability of the fall into sin or the possibility of resurrection.

This emotional and semantic image, which determines the further narrative, is built by Dostoevsky already at the very beginning of the novel, in the tavern where Marmeladov and Raskolnikov meet.

Keywords: Dostoevsky, history of everyday life of Russia, alcohol consummation.

For citation: Dekhanova, O.A. "Drinking Establishments in the Novel *Crime and Punishment*. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861." *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 106–127. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127

К середине XIX века темы пьянства как причины самых гнусных пороков и преступлений и кабака как главного виновника этого социального зла стали одними из самых обсуждаемых.

Среди современных исследователей есть устойчивое мнение, что эта репутация кабака, сложившаяся в кругах русской интеллигенции XIX века, «в большей степени основывается на сопоставлении общественных нравов двух исторических эпох, водоразделом между которыми и является создание кабака. Другими словами, "корчма" начинает ассоциироваться с "доброй стариной", когда пьянства на Руси не было, а кабак становится символом разложения нравов» [Травер, 2013, с. 96].

Это противопоставление корчмы и кабака во многом опирается на исследование И.Г. Прыжова — «История кабаков в России». Обращение к Прыжову вполне оправдано, так как это первый объемный труд в этой области. Однако по ряду причин он не лишен субъективности в интерпретации исторических сведений.

Кабак как базовый тип питейного заведения существовал с XVI века. Он менял свое название (кружечный двор, питейный дом) в соответствии с реформами организации питейного сбора. Так, например, манифест от 1 августа 1765 года объявлял, что, поскольку «название кабака сделалось весьма подло и бесчестно, хотя на самом деле бесчестно токмо худое питья употребление: то повелеваем оные места не кабаками, а просто питейными домами отныне именовать»[1].

[1] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. I, т. XVII (1830), № 12444 от 1 августа 1765 г., с. 201].

Менялось название, но «подлая» суть оставалась прежней — «худое питья употребление». Происходило это по причине исторически сложившейся ориентированности кабака исключительно на реализацию государством и употребление народом спиртных напитков. Деятельность кабака определялась государственной системой правового регулирования и была объектом пристального надзора. Харчевой промысел, напротив, регламентировался обычными налоговыми мерами, еда в кабаке либо допускалась на усмотрение откупщика, либо прямо запрещалась[2].

Эта разобщенность еды и алкоголя и легла в основу «подлой» репутации кабака, которую усугубили последствия введения во второй половине XVIII века откупной системы на питейную торговлю.

Винная торговля — эта та область экономики, где государство всегда пыталось балансировать между нравственностью и доходом.

Уже в конце XVII века законодательно была выражена озабоченность тем, что от большого пьянства «свары и драки и самые смертные убойства, а потом розыски, пытки и убойцам смертные казни и многие неустроения бывают»[3]. При этом в отношении тех, «которые питухи пришед озадорятся и напьются пьянством безобразным», предписывались вполне гуманные меры: «таких унимать

---

[2] Между питейными и трактирными заведениями исторически сложилась юридически оформленная разница по особенностям их деятельности. Питейные заведения (кабак, питейный дом, шинок и пр.) — это прежде всего место реализации государством хлебного вина и спирта, и потому деятельность питейных заведений всегда находилась под усиленным правовым надзором. Законом устанавливалась розничная цена вина и спирта, его крепость, методы контроля качества, количество мест продажи и пр. Дополнительная услуга посетителям — горячая еда или холодная закуска, напротив, не представляла серьезного экономического интереса и была отдана в ведение откупщиков: «При питейных домах дозволяется иметь для простого народа, в особых, где можно, комнатах харчевую продажу, состоящую из холодных закусок или холодных кушаний, равно пива и меду. <…> Право харчевой продажи внутри питейных домов, в декабре каждого года, отдается с торгов питейной конторе. <…> Всякому постороннему без согласия и письменного условия откупщика запрещается торг холодными закусками как непосредственно перед питейным домом, так и ближе 10 сажен, считая во все стороны» [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXV (1851), № 24058 от 6 апреля 1850 г., с. 229]. Трактирные заведения, напротив, исторически формировались как место общественного питания. Законодательно (до 1863 года) в них строго запрещалась продажа простого хлебного вина, настоек и наливок, из него изготовляемых, так как их продажа дозволялась исключительно в местах питейного откупа. Изначально трактиры подразделялись на пять видов: гостиницы, ресторации, кофейные дома, трактиры и харчевни. В Положении о трактирных заведениях 1826 года указывалось, какие блюда и напитки дозволяются иметь, например, в трактирах и ресторациях, а какие — в харчевнях, ориентированных на питание людей низшего класса.

[3] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. I, т. III (1830), № 1655 от 22 ноября 1698 г., с. 519–520].

и в особый чулан, чтоб проспался, положить»[4]. А вот в отношении тех «которые придут на кабак гулящие люди, которые по городу бродят без одежды и работать не хотят <...> пропивают последнее и по кабакам валяются безобразно» следовало, как в памятное советское время, направлять на «15 суток», т. е. на исправительно-трудовые работы: «сковав их приставлять к работе, какая в том городе случится <...> или отсылать их в те места, где каменного дела работа есть»[5].

Устав Благочиния, или Полицейский, 1782 года гласил: «запрещается всем и каждому пьянство», а найденные на улицах пьяные должны были наказываться суточным воздержанием на хлебе и воде, а наиболее упорных помещали в смирительные дома[6]. А запрет «в Воскресение и табельный праздник до окончания обедни открывать трактир, кабак или погреб, где продаются пития»[7] сохранялся в последующих правовых актах, наравне с дистанционными ограничениями между питейными заведениями и оградами христианских храмов, монастырей и кладбищ.

Несмотря на относительную «гуманность» питейных уставов, к середине XIX века уровень питейных продаж составил «до 40% в общей сумме государственного дохода» [Прыжов, 2009, с. 229], что было веской причиной для многочисленных надзорных органов закрывать глаза на массовые злоупотребления откупщиков: «хлебное вино продавалось по фиксированным ценам, водки и наливки — по вольным. Здесь таился неустранимый изъян системы — качество поступавшего потребителям напитка невозможно было контролировать: откупщики не пускали в розничную продажу собственно простое вино и продавали под видом водок простое вино с вкусовыми примесями» [Долгих, 2015, с. 32]. И как следствие откупного беспредела в конце 50-х годов XIX века по российским уездам прокатилась стихийная волна народной трезвости. Общества трезвости — «с точки зрения официального права недопустимые — возникли в 91 уезде Российской империи. В преддверии крестьянской реформы трезвенническое движение вызвало неадекватную реакцию власти: в 1859 г. созданы военно-судные комиссии, движение было подавлено» [Долгих, 2015, с. 32].

---

[4] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. I, т. III (1830), № 1655 от 22 ноября 1698 г., с. 519].

[5] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. I, т. III (1830), №1655 от 22 ноября 1698 г., с. 520].

[6] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. I, т. XXI (1830), № 15379 от 8 апреля 1782 г., с. 479, 483].

[7] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. I, т. XXI (1830), № 15379 от 8 апреля 1782 г., с. 478].

Явление стихийной трезвости было вызвано, прежде всего, экономическими причинами, пониманием серьезности угрозы разорения даже в затуманенном винными парами сознании крестьян. Качество продаваемых «питей» стремительно падало, а цены, несмотря на законодательные установки, неизменно росли. «Водку сменила мутная жижа, получившая название по цвету своему *сивухи*, *сиволдая*» — писал Прыжов, — но цена ее «доходила до 8–10 рублей за ведро» [Прыжов, 2009, с. 230]. И хотя в разгар волнений «крестьянам прочитан был публично циркуляр, что они имеют право требовать во всех кабаках простого полугарного вина надлежащей крепости по три рубля серебром за ведро» [Прыжов, 2009, с. 234], это «право» оставалось лишь на бумаге. Откупщики сознательно провоцировали активные действия крестьян, надеясь на вмешательство полиции в эти сугубо экономические «разборки». Но не помогали ни проявления откупщиками видимого благочестия, ни доносы, ни обращения к обер-прокурору святейшего Синода, благословившего, вопреки противодействию министра финансов, «священнослужителей ревностно содействовать возникновению в некоторых городских и сельских сословиях благой решимости воздержания от употребления вина» [Прыжов, 2009, с. 236–237].

Это стихийное массовое народное сопротивление государственной системе вызывало вполне понятное беспокойство, и особенно — религиозная составляющая конфликта. Крестьяне «приходили во храм Божий, служили молебен, целовали крест и писали обязательство» [Прыжов, 2009, с. 235]. Церковные проповеди, произносимые с благословения обер-прокурора, обращены были к внутреннему осознанию крестьянами пьянства как греха, складывавшемуся веками в русской православной культуре.

В сочинениях протопопа Аввакума, например, в «Поучении против пьянства», говорится о гневе Божием и лютом посмертном мучении в веки вечные для тех, «которые дней святых не соблюдающе, проводят их в обжирстве, в пьянстве, в блуде» [Памятники, 1927, стл. 905]. Он прямо связывал мирской грех пьянства с грехопадением прародителей, вкусивших винных ягод под льстивые речи Искусителя, в высшей степени натуралистично описывая отвратительную картину похмельного пробуждения: «<...> оне упиваются, а дьявол смеется в то время. <...> Увы, невоздержания, увы небрежения Господни заповеди! Оттоле и доднесь творится та же лесть в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием нера-

створенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочии питии и сладкими брашны <…> и вкусиста Адам и Евва от древа, от него же Бог заповеда, и обнажистася. О, миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и з двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы, безумия и тогдашнева и нынешнева!" <…> проспалися бедные с похмелья ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнехъ, со здоровных чаш голова кругом идет» [Памятники, 1927, стл. 670–671].

В Откровениях Иоанна Богослова описан суд над Вавилонской блудницей, с которой «блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (Откр. 17:1–2). Она «держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее» (Откр. 17:4) И этим «яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы» (Откр. 18:2).

Испивание вина из чаши блудницы, т. е. пьянство, приравнивалось к поклонению «образу зверя»: «кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем» (Откр. 14:9–10).

К этой цитате прямо обращается в своих словесных самобичеваниях Мармеладов: «<…> "Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!"» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 21].

Достоевский, говоря о национальной идее, отмечал, что «народ русский в огромном большинстве своем — православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею отчетливо и научно. <…> Но и самые преступник и варвар хоть и грешат, а все-таки молят Бога, в высшие минуты духовной жизни своей, чтоб пресекся грех их и смрад» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 18].

Неизвестно, как могло бы отразиться стихийно возникшее «трезвенническое движение» на дальнейшем развитии национальной культуры, но принятие нового питейного устава вернуло всё «на круги своя».

В январе 1863 года вступило в силу принятое в 1861 году Положение о питейном сборе, заменившее откупную систему акцизной: «доход с питей в пользу казны с 1863 года получается в виде:

1) “акциза” с производимого количества питей, и 2) “патентного сбора” с заводов для приготовления питей и изделий из вина и спирта, а также с заведений для продажи питей»[8].

И если ранее цена на вино и спирт, а также количество мест их продажи устанавливались законодательно, то теперь «продажа, оптовая и раздробительная, оплаченных акцизом питей и изделий из оных, составляет предмет вольного промысла, и потому ни определенной цены, ни нормальной крепости напиткам, ни числа мест продажи оных не назначается»[9], «продажа напитков производится по вольной цене, установляемой взаимным соглашением продавца и покупателя»[10].

Необходимость питейной реформы, вызванная отчасти и стихийными народными волнениями, была сформулирована в Предисловии: «Действующие ныне способы взимания в казну питейного сбора, составляющий один из главных источников государственного дохода, представляют многие существенные неудобства, как по разнообразию своему и неравномерности распределения в разных частях Империи, так, и еще более, по существованию почти всюду откупной системы, сопряженной с крайним для народа отягощением и стеснением частной промышленности»[11].

Но даже из этого обтекаемого обоснования ясно, что главным для государства, как всегда, была не тревога о «крайнем для народа отягощении», а оптимизация получения «главного источника дохода». Не успев вступить в действие, Питейный Устав начал корректироваться. Так, например, в январе 1865 года Московские ведомости приводили аналитические данные по продажам вина и пива: «опыт новой акцизной с питей системы 1863 года имел один существенный недостаток. Размер акциза по 4 коп. с градуса безводного спирта оказался слишком низок, а напротив акциз с пива и особенно способ взимания оного признан тягостным. Чрезмерное удешевление вина и недостаточное развитие потребления пива, самого здорового из напитков, содержащих алкоголь, породили неумеренное потребление вина. Посему акциз с вина увеличен на 25%, а пивоварение, напротив, облегчено. <...> С тою же целью, т. е. уменьшение чрезмерного употребления вина, без сокращения дохода <...> значитель-

[8] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 40].

[9] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 41].

[10] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 65].

[11] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 39].

но возвышена цена патентов на питейные заведения, число коих чрезмерно увеличилось» [Ведомости, 1865, с. 1].

По поводу первых последствий питейной реформы Прыжов писал: «Ранним утром первого января 1863 года открыла свои действия новая акцизная система, и дешёвая водка, оставшаяся от откупа, окрещена была именем “дешёвки”. Народ был счастлив, что дешева водка, столь для него необходимая, и, собравшись перед домом одного откупщика, пропел ему анафему, а своему государю возгласил многолетие» [Прыжов, 2009, с. 255].

В Воспоминаниях бывшего волостного писаря Пошехонского уезда И.В. Васильева говорится: «Я надеялся, что крестьяне поймут дарованную им свободу, постараются воспользоваться свободным трудом. Но, как назло, они стали пить пуще прежнего, благодаря почти одновременному с благодатным актом свободы введению акцизной системы в отмену ненавистных откупов, понизившей на первых порах цену на водку» [Воспоминания, 2006].

Бывший крепостной Ф.Д. Бобков в своих Воспоминаниях свидетельствует: «1 января 1863 года вечером я отправился на прогулку. Подойдя к Никольским воротам, я увидел около кабаков целую толпу. Это праздновалась отмена откупа. По случаю удешевления водки, набросились на кабаки и переполнили их. На Трубной площади опять толпа около кабаков. Из любопытства зашел в один. Оказалось, что все заготовленное заранее вино уже выпили и толпа ждет нового подвоза. Вот она, народная трезвость» [Воспоминания, 2006].

А.Ф. Кони в статье «К истории нашей борьбы с пьянством» подводил своеобразный итог: «Когда была введена казенная продажа вина, предполагалось, что кабак — средоточие спаивания, заклада и ростовщичества — отжил свое время. Но это была иллюзия, и кабак не погиб, а лишь прополз в семью, внося в нее развращение и приучение жен и даже детей пить водку» [Кони, 1967, с. 374].

Для Достоевского-художника необходимо было не только понимание, но и сопереживание читателями проблемы пьянства в координатах христианской оппозиции «праведность — грех». А для создания такого эмоционального послания негативная авторская оценка должна быть сопряжена с реальной узнаваемой бытовой деталью, вызывающей такие же негативные ощущения.

Комментирование особенностей восприятия предметного мира повседневности прошлого усложняется тем, что «описания и наи-

менования заведений в мемуарах и очерках современников связаны в большей степени с живой бытовой традицией, чем с нормативной регламентацией. Эти сведения требуют отдельного исследования. Скорее всего, и в каждом городе были свои прижившиеся наименования и свои востребованные типы заведений со сложившейся ролью и репутацией» [Долгих, 2019, с. 47–48].

Но для анализа художественных текстов Достоевского важна именно эта разница между «сложившейся репутацией» и «нормативной регламентацией». И чтобы уловить эту разницу, необходимо иметь четкое понимание правового регламента питейных заведений, на фоне которых и разворачиваются события романа.

Терминологическая замена кабака на питейный дом как в законодательных документах, так и на вывесках соответствующих заведений, постепенно вытесняла это название из повседневного языка, но сохраняла в сознании его исторически сложившуюся «подлую» репутацию. И к середине XIX века словоупотребление лексемы «кабак» в литературном языке носило уже преимущественно метафорический смысл.

Катерина Ивановна причитает над умирающим Мармеладовым: «Ведь он, пьяница, все пропивал. Нас обкрадывал да в кабак носил, ихнюю да мою жизнь в кабаке извел!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 144].

Заметов — в ответ на лихорадочно-провокационную речь Раскольникова о психологии преступника — отвечает: «<…> убьет-то хитро, жизнь отваживает, а потом тотчас в кабаке и попался. <…> Вы бы в кабак не пошли, разумеется?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 127].

Кабак как последняя неизбежность сопровождает истории о женской проституции в «Преступлении и наказании» и в «Записках из подполья».

Раскольников размышляет о пьяной девочке на бульваре: «Потом тотчас больница <…>, ну а там… а там опять больница… вино… кабаки… и еще больница… года через два-три — калека, итого житья ее девятнадцать аль восемнадцать лет от роду всего-с…» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43].

Подпольный человек пророчит Лизе: «Сунут тебя, издыхающую, в самый смрадный угол в подвале, — темень, сырость; <…> Купят колоду, вынесут, <…> в кабак поминать пойдут. <…> Засыплют поскорей мокрой синей глиной и уйдут в кабак…», «Я жила —

жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее в кабаке на Сенной пропили» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 161].

Там же, в «Записках из подполья» внезапное превращение респектабельного «кафе-ресторана» в низкопробный кабак эмоционально усиливает психологический портрет повествователя, который «пил с горя лафит и херес стаканами» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 145], «потому что здесь кабак, а я деньги за вход заплатил» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 146]. И в этом кабацком похмелье ему достаются: «Беспорядок, объедки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирос, хмель и бред в голове, мучительная тоска в сердце» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 148].

В романе «Идиот» кабак используется как деталь уничижительной характеристики Рогожина: «Ишь, деньги вывалил на стол, мужик! Князь-то замуж берет, а ты безобразничать явился! <...> — Ишь, пьяный из кабака, выгнать тебя надо! — в негодовании повторила Дарья Алексеевна» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 141].

С кабаком связан детский ужас Раскольникова: «В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит кабак, большой кабак, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом. <...> кругом кабака шлялись всегда такие пьяные и страшные рожи... <...> из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 46–47].

Образ кабака как средоточия пьяных пороков связан в романе «Преступление и наказание» с реальной бытовой деталью — распивочной. Распивочная — это не только уникальная лексическая особенность «Преступления и наказания»[12], но чрезвычайно важная и точно выбранная Достоевским именно для этого романа художественная деталь.

---

[12] Помимо романа «Преступление и наказание» Достоевский использует лексему «распивочная» только дважды. В романе «Идиот» Келлер обращается к Мышкину накануне свадьбы: «Но сволочь и всякая шушера судят иначе; в городе, в домах, в собраниях, на дачах, на музыке, в распивочных, за бильярдами только и крику, что о предстоящем событии. Слышал, что хотят даже шаривари устроить под окнами, и это, так сказать, в первую ночь!» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 486–487]. В повести «Вечный муж»: «Не так далеко от кладбищенских ворот, по дороге, в низеньком деревянном домике, помещалось что-то вроде харчевни или распивочной; в отворенных окнах виднелись посетители, сидевшие за столами» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 63].

В словаре В. Даля «распивочная» — это: «шинок, кабак, питейный дом, где идет распивочная продажа» [Даль, 1955, с. 67].

Во фразеологическом словаре Михельсона: «Распивочно и на вынос — надпись на вывесках питейных домов. Кроме официального значения (что дозволяется на месте распивать купленную водку), придается шуточное: распивают так, что распившего приходится потом — выносить» [Михельсон, 1912, с. 739].

Эта главная правовая особенность питейного дома — «на вынос и распивочно» — дошла до нас, отчасти, и благодаря поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» — как символ пьяной деградации народа [Некрасов, 1982, с. 81].

Однако значение распивочной для романа «Преступление и наказание» выходит за рамки общепонимаемого социального зла. Предлагая предварительную версию будущего романа в «Отечественные записки» А.А. Краевскому, Достоевский писал: «Роман мой называется “Пьяненькие” и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч.» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 309]. Эти «разветвления» — изломанные пьянством судьбы, — восходят к годам, проведенным на каторге, к личному опыту осмысления Достоевским этой национальной трагедии, к мучительному вопросу о возможности нравственного спасения тех, кто уже втянут в этот порок. И эта эмоционально-психологическая проекция «Мертвого дома» в высшей степени ощутима в романе «Преступление и наказание».

Т.А. Касаткина в статье «Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов» отмечала, что в этом «мертвом доме», в месте «перерыва жизни», населенном не живущими, но лишь ожидающими жизни людьми, опознаваемом читателями как ад, «присутствует та дорогая Достоевскому идея (вскоре разработанная в “Преступлении и наказании”), что человек сам предопределяет, задает характер той реальности, в которой пребывает, что реальность определяется внутренним состоянием человека, что изменив себя, можно изменить все вокруг» [Касаткина, 2006, с. 197–198].

В романе «Преступление и наказание» распивочная составляет сквозной лейтмотив повествования.

Прежде всего, вонь распивочных постоянным рефреном дополняет общую негативную ольфакторную атмосферу городской

духоты наравне с запахами пыли, известки, помоев: «Тут не было ни духоты, ни вони, ни распивочных» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 45], «Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 74], «распивочная, черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 210].

Упоминание распивочной сопутствует всем значимым для героев событиям и встречам: в распивочной Раскольников знакомится с Мармеладовым, а у распивочных на Сенной Раскольников узнает, что «старуха, ровно в семь часов вечера, *останется дома одна*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 51–52].

Кроме того, упоминания распивочной связаны и с описаниями психологического состояния Раскольникова: его выводят из болезненного оцепенения после совершенного преступления вопли пьяных из распивочной в третьем часу, а прогулки за город обращаются непреодолимым желанием вернуться в городскую толчею, в трактиры и распивочные, где ему «было уж как будто бы легче и даже уединеннее» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 337].

Но самое важное — это связь распивочной с религиозно-нравственными проблемами выбора. Можно ли, в какой мере и ради чего изменить себя, чтобы твой мир изменился. Можно ли воскреснуть, если ты уже умер.

Уходя от Мармеладовых, Раскольников «загреб сколько пришлось медных денег, доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и неприметно положил на окошко. Потом уже на лестнице он одумался и хотел было воротиться» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25]. Но это сожаление — «самому надо» пришло вместе с осознанием, что и не смог бы забрать деньги обратно.

На углу Садовой, где «большой дом, весь под распивочными» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 122], Раскольникову приходит в голову искусительная мысль — напиться пьяным, забыть весь этот кошмар и, так же как и «мужик в армяке нараспашку», «кувыркнуться вниз» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 123].

Миколка заложил в распивочной Душкина «ювелирский футляр с золотыми серьгами» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 106], на полученные деньги упился до попытки самоубийства и одержимый «душеспасительной» идеей старообрядцев — пострадать безвинно, чтобы обрести Царствие небесное, готов был принять на себя

вину Раскольникова [Достоевский, 1972 –1990, т. 6, с. 107–108], [Деханова, 2019, с. 197–198].

Мармеладов так описывает свое дохождение до последней черты: «<...> вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние... и всему конец!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 20].

Свидригайлов свой последний вечер «провел по разным трактирам и клоакам», оказавшись, наконец, в каком-то увеселительном саду, где «выстроен был “вакзал”, в сущности распивочная» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 383].

Позволю себе небольшое отступление. Оно иллюстрирует взаимодействие правового регламента и смысла художественной детали.

Раскольников, на следующий день после совершенного преступления, «лежал на диване навзничь, еще остолбенелый от недавнего забытья. До него резко доносились страшные, отчаянные вопли с улицы, которые, впрочем, он каждую ночь выслушивал под своим окном, в третьем часу. Они-то и разбудили его теперь. “А! вот уж и из распивочных пьяные выходят, — подумал он, — третий час”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 70–71].

Б.Н. Тихомиров, комментируя эту цитату, обращал внимание лишь на наличие возможных источников «пьяных воплей», ссылаясь на воспоминания А.Г. Достоевской о том, что дом Алонкина был «с трактиром и с постоем извозчиков, с несколькими пивными лавочками», а также цитируя Бурмистрова: «Писатель, как и Раскольников, часто слышал ночами пьяные крики с улицы, когда из распивочных выходили гуляки». [Тихомиров, 2005, с. 135].

Однако в Положении о трактирных заведениях и местах для продажи напитков в Санкт-Петербурге от 31 декабря 1826 года время продажи спиртного было ограничено: «с 7-го часа утра до 11 часов вечера»[13]. При этом запрет распространялся не только на отпуск спиртного, а предполагал полное закрытие трактирно-питейных заведений.

В 1850 году эти рамки были несколько расширены: для городов — «в зимнее и осеннее время с 7 часов утра, а в летнее и весеннее от восхождения солнца и до 11 часов вечера»[14].

[13] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. I (1830), № 793 от 31 декабря 1826 г., с. 1363].

[14] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXV (1851), Отд. 1, № 24058 от 6 апреля 1850 г., с. 229].

Этот режим был сохранен и в Положении о питейном сборе 1861 года.

В сохранившемся черновике подготовительных материалов убийство датируется 9 июня [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 312–313], в окончательной редакции романа дата смещена на месяц — 9 июля [Тихомиров, 2005, с. 45].

«Восхождение солнца» в Петербурге 9 июня отмечалось в 2 часа 36 минут, а 9 июля — в 3 часа 14 мин [Всеобщий календарь, 1875, с. 36–37 второй пагинации].

А это значит, что указание в тексте на еженощные вопли пьяных в третьем часу не может быть связано с законодательно установленным порядком продажи спиртных напитков.

Возможно, это несоответствие — одно из многочисленных отступлений писателя от «физиологической» точности в описании петербургских реалий 1865 года. Кроме того, для человека, работающего по ночам, в наступающей, наконец, относительной городской тишине слух режут не только пьяные крики, но даже громкий разговор под окнами тех, кто, насквозь пропитавшись водкой, хотел бы продолжить «веселье».

Но позволю себе предположить, что настойчивое указание временных подробностей пробуждения Раскольникова может иметь совершенно иной смысл. Лет семь назад, говоря о значимости «Физиологии обыденной жизни» Льюиса для художественного пространства романа, я уже отмечала, насколько Достоевский последовательно соотносит симптомы душевного расстройства Раскольникова и его физического истощения на фоне хронического голодания, цитируя, по сути, избранные главы из этой книги [Деханова, 2016, с. 68–72]. В частности, главу о снах и сновидениях, так как сны «также дают нам любопытныя указания на состояние ума в его отношениях к внешнему миру» [Льюис, 1876, с. 315]. Одно из описанных Льюисом состояний краткого тяжелого сна, вызванного летней жарой и духотой; сна, приносящего не освежение, но усталость, нервную лихорадку и спутанность сознания [Льюис, 1876, с. 318], проживает Раскольников, впавший в болезненное забытье после совершенного преступления.

Перед тем как проснуться окончательно, он «заметил, что уже светло **по-дневному**». [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 70–71]. И тут же — пьяные вопли, которые он «**каждую ночь** выслушивал под своим окном, в третьем часу. Они-то и разбудили его теперь <...>.

Страшный холод обхватил его; но холод был и от лихорадки, которая уже давно началась с ним во сне» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 70–71].

Однако, как уже было сказано выше, самая важная функция «распивочной», связанная с образом кабака, — это трансформация негативных эмоциональных переживаний в нравственные категории. Одна из них — неизбежность грехопадения или возможность воскресения.

Этот своего рода триггер для всего последующего повествования обозначен уже в самом начале романа, когда автор заменяет название заведения (распивочная), куда входит Раскольников, его символическим смыслом: «Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 19].

Построение эмоционально-смыслового образа происходит в три этапа, последовательно на визуальном, аудиальном и ольфакторном уровнях.

Раскольников «заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10], как и полагалось в подобных заведениях: «питейный дом или шинок может занимать только одну комнату, он должен помещаться в нижнем этаже, и иметь непременно выход на улицу»[15].

Эта бытовая деталь многократно обыгрывается Достоевским: «по лестнице вниз», «спустился вниз», «двое пьяных <...> взбирались на улицу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10].

Впоследствии, в ключевой сцене у «большого дома» возле Сенной, Достоевский использует более значимый для этого сошествия в ад глагол — «кувыркнуться вниз».

Падшего непременно встречают у входа блудницы: пьяная ватага «с одною девкой и гармонией» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 11] или, на Сенной, уже целая толпа разновозрастных, сиплых, полуодетых, с разбитыми лицами, женщин.

Далее вступает очень значимое для Достоевского аудиальное сопровождение событий: пьяные голоса, гармонь, бессмысленное пение. Этот звуковой фон разрастается на Сенной. Раскольников

[15] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 69].

«пристально, мрачно и задумчиво слушал, нагнувшись у входа»: «шел стук и гам на всю улицу, тренькала гитара, пели песни», «слышно было, как среди хохота и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно отплясывал, выбивая такт каблуками» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 122].

Но по Положению о питейном сборе 1861 года: «Запрещается в питейных домах, шинках, выставках иметь музыку, учреждать увеселительные игры, равно играть в карты, или в кости, или в шашки. Во всех питейных заведениях отнюдь не терпеть распутных женщин»[16].

Потому и «зазорные женщины», и пьяные увеселения, — это уже не реальная распивочная, не бытовая деталь, но отчетливо понимаемый читателями образ «подлого» кабака.

И, наконец, самое главное в распивочной Мармеладова — это запах. Он начинается с невозможности дышать, с отсутствия свежего воздуха, потребность в котором — лейтмотив романа. Там было «душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и всё до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12].

И в этой нестерпимой пьяной духоте «на стойке стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; всё это очень дурно пахло» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12].

По поводу возможности в распивочной перечисленной закуски обратимся снова к Положению о питейном сборе 1861 года: «В питейных домах, шинках и выставках дозволяется для закуски иметь только хлеб»[17]. И огурцы, и рыба — все это могло быть в питейном доме или до 1863 года (на усмотрение откупщика), или после 1868 года[18].

[16] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 70].

[17] См.: [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), Отд. 2, № 37197 от 4 июля 1861 г., с. 69–70].

[18] Новая редакция статей Устава о питейном сборе от 18 июня 1868 года проявила больше лояльности к закускам в питейных домах: «В питейных заведениях дозволяется иметь кроме хлеба, так называемые холодные маркитантские закуски, но не более четырех сортов в один раз; закуски должны быть выставлены на стойке на тарелках и не могут быть подаваемы посетителям в особой посуде». Однако свела к минимуму элементарные удобства для посетителей: «Кроме стойки и полки или стеклянных шкафов, для хранения напитков и закусок, дозволяется в питейных заведениях иметь для посетителей только простые деревянные прикрепленные к стенам скамьи» [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XLIII (1873), Отд. 1, № 46003 от 18 июня 1868 г., с. 858].

И здесь возникает законный вопрос о причинах появления этой закуски в распивочной Мармеладова.

Из всех многочисленных персонажей Достоевского только Раскольников, и то однажды, заходит в распивочную: «Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10]. Возможно, в этой реплике — отражение личного опыта автора. И он сам, и его литературные персонажи были посетителями и знатоками трактиров, но не питейных заведений. Какие-то общие представления о питейных домах могли сохраниться у него со времени его сибирской ссылки. Работая над романом, он досконально исследовал топографию окрестностей Сенной, ему были знакомы по «мертвому дому» типы и характеры будущих персонажей, но в отношении распивочной он, как и Раскольников, всего лишь — «пристально, мрачно и задумчиво слушал, нагнувшись у входа» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 122].

Но, может быть, Достоевский был в курсе радикальных изменений питейной реформы и негативной общественной оценки ее последствий, обсуждаемой всеми представителями социальной вертикали. И он, так же, как и Раскольников, впервые спустился в распивочную, чтобы лично пережить, насколько иллюзорна правовая забота об «уменьшении чрезмерного употребления вина» народом и что кабак — «средоточие спаивания, заклада и ростовщичества» — остался прежним социальным злом, и, может быть, стал им в еще большей мере, чем прежде.

Ни та, ни другая версия не имеют пока каких-либо документальных подтверждений. И это, в конечном счете, не принципиально, так как в этой романной распивочной *должна* была быть закуска. И именно «резанная кусочками рыба». Рыба — в ее символическом понимании — как неотъемлемая часть обращений Мармеладова к Священному писанию.

Дурной запах несвежей испорченной рыбы в винной духоте распивочной — это, с одной стороны, доведенное до своей высшей точки чувственное отвращение. Но, в то же время, это и точка соединения негативных физиологических реакций с религиозно-нравственными категориями. Это ольфакторная материализация той смрадной ямы греха, которую дважды упоминает Раскольников, размышляя о судьбе Сони: «<…> и это создание, еще сохранившее

чистоту духа, сознательно втянется наконец в эту мерзкую, смрадную яму?» [Достоевский, 1972-1990, т. 6, с. 248].

Распивочная в романе — это воплощение смрадного ада и обретения человеком «образа звериного».

«Я звериный образ имею» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 14], — восклицает Мармеладов, уже безвозвратно втянутый в пропасть, на краю которой Достоевский предоставляет своим героям право выбора, потому что (как справедливо заметила Т.А. Касаткина) «человек сам предопределяет, задает характер той реальности, в которой пребывает».

Раскольников будет думать о Соне: «Разве так можно сидеть над погибелью, прямо над смрадною ямой, в которую уже ее втягивает, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности? Что она, уж не чуда ли ждет?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 248]. Это не ожидание чуда, а осознанный выбор своей, единственно возможной, «реальности».

Такой же осознанный выбор делает и Свидригайлов. Между знакомым запахом города, «клоаком», где «народ пьянствует, молодежь образованная <...> уродуется в теориях; <...> а всё остальное развратничает» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 370], и тем адом, где есть только вечное Дунино «Никогда!». Самый, пожалуй, трагический выбор человека, «когда уже некуда больше идти» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16].

Соблазн «кувыркнуться» вниз («Не зайти ли? — подумал он. — Хохочут! Спьяну. А что ж, не напиться ли пьяным?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 122]) сменяется у Раскольникова почти истерическим желанием жить, хоть бы и как приговоренный к смерти, на узенькой площадке: «лучше так жить, чем сейчас умирать!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 123], «хотя и погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 311].

Смрадный запах распивочной Мармеладова выйдет за пределы романа и будет в итоге использован Достоевским при формулировании его главной нравственно-религиозной установки в 1880 году в Дневнике писателя: «Грех есть смрад, и смрад пройдет, когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос вечное» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 152].

Список литературы

1. Ведомости, 1865 — Московские ведомости. 1865. № 1.

2. Воспоминания, 2006 — Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 778 с. URL: https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/05/vospominaniya-krestyan.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

3. Всеобщий календарь, 1875 — Всеобщий календарь на 1875 год, СПб: Тип. Императорских С.-Петербургских театров, 1874. 577 с.

4. Даль, 1955 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. 684 с.

5. Деханова, 2016 — *Деханова О.А.* Немного чая в холодной воде или опыты практической физиологии // Достоевский и современность. Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 года. Великий Новгород, 2016. С. 64–72.

6. Деханова, 2019 — *Деханова О.А.* Прочесть Ф.М. Достоевского глазами его современников. Один из аспектов современных комментариев // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4. С. 174–201.

7. Долгих, 2015 — *Долгих Е.В.* К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2015. № 5/6. С.14–63.

8. Долгих, 2019 — *Долгих Е.В.* К истории повседневности: развитие общественного питания в России в XVI–XX вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2019. № 2. С. 17–63.

9. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

10. Касаткина, 2006 — *Касаткина Т.А.* Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 191–212.

11. Кони, 1967 — *Кони А.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Юридическая лит-ра, 1967. Т. 4. 544 с.

12. Льюис, 1876 — *Льюис Д.Г.* Физиология обыденной жизни. М.: Тип. С. Орлова, 1876. 397 с.

13. Михельсон, 1912 — *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб.: Тип. акционерного общества «Брокгаузъ-Ефронъ», 1912. 1046 с.

14. Некрасов, 1982 — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, Ленинградское отд., 1982. Т. 5, 687 с.

15. Памятники, 1927 — Памятники истории старообрядчества XVII в. Л.: АН СССР, 1927. Кн. 1. Вып. 1. XCVII с. 960 стб.

16. Прыжов, 2009 — *Прыжов. И.Г.* История кабаков в России. СПб.: Азбука-классика, 2009. 320 с.

17. ПСЗ, 1830–1916 — Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1916.

18. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* Лазарь! гряди вон. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 475 с.

19. Травер, 2013 — *Травер П.В.* История и образ кабака и трактира в русской культуре // История и современность. 2013. № 1. С. 90–109.

References

1. *Moskovskie vedomosti*, no. 1, 1865. (In Russ.)

2. *Vospominaniia russkikh krest'ian XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [*Memoirs of Russian Peasants of the 18th– First Half of the 19th Centuries*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2006. 778 p. (In Russ.)

3. *Vseobshchii calendar' na 1875 god* [*General Calendar for 1875*]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskikh S.-Peterburgskikh teatrov Publ., 1874. 577 p. (In Russ.)

4. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 tomakh* [*Explanatory Dictionary of the Great Russian Living Language: in 4 vols*], vol. 4. Moscow, Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1955. 684 p. (In Russ.)

5. Dekhanova, O.A. "Nemnogo chaia v kholodnoi vode ili opyty prakticheskoi fiziologii" ["A Little Tea in Cold Water, Or Experiments in Practical Physiology"]. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2015 goda* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 30th International Readings in Staraya Russa 2015*]. Veliky Novgorod, 2016, pp. 64–72. (In Russ.)

6. Dekhanova, O.A. "Prochest' F.M. Dostoevskogo glazami ego sovremennikov. Odin iz aspektov sovremennykh kommentariev" ["Read F.M. Dostoevsky Through the Eyes of His Contemporaries. One Aspect of Modern Commentary"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4, 2019, pp. 174–201. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-174-201

7. Dolgikh, E.V. "K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniia spirtnykh napitkov v Rossii (konets XV v. – 1936 g.)" ["On the History of Everyday Life: An Essay on the Consumption of Alcoholic Beverages in Russia (End of the 15th Century – 1936)"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8 Istoriia*, no. 5/6, 2015, pp. 14–63. (In Russ.)

8. Dolgikh, E.V. "K istorii povsednevnosti: razvitie obshchestvennogo pitaniia v Rossii v XVI – XX vv." ["On the History of Everyday Life: The Development of Public Catering in Russia in the 16th–20th Centuries"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8 Istoriia*, no. 2, 2019, pp. 17–63. (In Russ.)

9. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. "Rai i ad v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo 1860-kh godov" ["Paradise and Hell in the Works of F.M. Dostoevsky in the 1860s"]. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2005 goda* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 20th International Readings in Staraya Russa 2005*]. Veliky Novgorod, 2006, pp. 191–212. (In Russ.)

11. Koni, A.F. *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh* [*Works: in 8 vols*], vol. 4. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ., 1967. 544 p. (In Russ.)

12. Lewes, G.H. *Fiziologiia obydennoi zhizni* [*Physiology of Common Life*]. Moscow, Tipografiia S. Orlova Publ., 1876. 397 p. (In Russ.)

13. Mikhel'son, M.I. *Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii* [*Russian

Thought and Speech. One's Own and Someone Else's. Experience of Russian Phraseology]. St. Petersburg, Printing House of the Joint-Stock Company "Brockhaus-Efron" Publ., 1912. 1046 p. (In Russ.)

14. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 15 vols*], vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 687 p. (In Russ.)

15. *Pamiatniki istorii staroobriadchestva XVII v.* [*Monuments of the History of the Old Believers of the 17th Century*], book 1, vol. 1. Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1927. XCVII p., 960 col. (In Russ.)

16. Pryzhov, I.G. *Istoriia kabakov v Rossii* [*History of Taverns in Russia*]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2009. 320 p. (In Russ.)

17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [*Complete Collection of Laws of the Russian Empire*]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii Publ., 1830–1916. (In Russ.)

18. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus! Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebrianyi Vek Publ., 2005. 475 p. (In Russ.)

19. Traver, P.V. "Istoriia i obraz kabaka i traktira v russkoi kul'ture" ["History and Image of Taverns and Barrelhouses in Russian Culture"]. *Istoriia i sovremennost',* no. 1, 2013, pp. 90–109. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.04.2023
Одобрена после рецензирования: 25.04.2023
Принята к публикации: 26.04.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 12 Apr. 2023
Approved after reviewing: 25 Apr. 2023
Accepted for publication: 26 Apr. 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023